

Марусин, Ю.

1985, XI.

КОМСОМОЛЕЦ

г. Челябинск

23 НОЯ 1985

Сегодня — в гостиниой «Паруса»

Юрий
Марусин:

«ОПЕРА ДОЛЖНА ПОТРЕЯСАТЬ»

Для любителей вокала это был праздник. Два вечера на сцене переполненного до отказа Челябинского театра оперы и балета имени Глинки пел народный артист РСФСР, солист Ленинградского академического театра оперы и балета имени Кирова Юрий Марусин, исполнивший центральные партии двух опер П. И. Чайковского: Герман в «Пиковой даме» и Ленский в «Евгении Онегине». А в концертном зале филармонии с большим успехом прошли выступления Юрия Марусина с участием оркестра русских народных инструментов Челябинского института культуры под управлением дирижера Винтора Лебедева.

А вскоре после завершения гастролей Юрия Марусина в нашем городе пришла радостная весть о том, что в числе других создателей спектакля «Евгений Онегин» на сцене Кировского театра он удостоен Государственной премии СССР 1985 года. Сегодня в гостиниой «Паруса» — Юрий Михайлович МАРУСИН.

— Юрий Михайлович, приходилось слышать, что одним из ваших, если не учителей, то во всяком случае, духовных наставников был Сергей Яковлевич Лемешев.

— Это действительно так. Мы познакомились в семьдесят шестом году. Я завоевал тогда первое место и золотую медаль на международном конкурсе в итальянском городе Перчелли. Об этом много говорили, ведь впервые русский тенор одержал победу на конкурсе в Италии, стране, как общепризнано, лучших теноров мира. И вот Сергей Яковлевич захотел взглянуть на меня, пригласил к себе домой. Потом я не раз бывал у него, часто пел по его просьбе. Мне кажется, он очень нежно ко мне относился. Много рассказывал, многому научил. Прежде всего пониманию русской музыки, ведь никто не чувствовал русской песни лучше Сергея Яковлевича Лемешева.

А мне он как-то сказал: «С твоим голосом можно завоевать весь мир».

— Кажется, вам это вполне удастся, ведь маршруты ваших гастролей пролегли в десятках стран. Расскажите о последних выступлениях за рубежом.

— Это гала-концерт в Италии в единственном в мире огромном театре под открытым небом «Арена ди Верона», на котором присутствовали шестнадцать тысяч зрителей. Концерт назывался «Поют русские звезды», и кроме меня в нем принимали участие солисты Большого

театра: Елена Образцова, Евгений Нестеренко, Махвала Касрашвили.

Бесконечно интересными были сольные концерты в Китае. Многие китайцы только начинают заново открывать для себя искусство европейской оперы, ведь с началом культурной революции она прекратила там свое существование. Осталась только национальная, совмещающая акробатику, танцы и довольно своеобразное пение. Кое-кто даже предупреждал меня, что китайцы на концертах не хлещут и сидят в кепках. Но все опасения оказались напрасными: никаких кепок, великолепный прием, аплодисменты, возгласы «браво» и «бис». Я пел в Пекине, Тяньцзини, Шанхае, Гуанчжоу, Гонконге, и нигде, кроме дружелюбия, ни с чем не сталкивался.

В этом году были также гастролы в Чехословакии, Венгрии и опять в Италии — «Иола та» в концертном исполнении в филармонии Рима. Вообще гастролы в Италии и прежде все о в миланском театре «Ла Скала» — Мекка для любого вокалиста — всегда считались самыми ответственными. На сцене «Ла Скала» я спел семь партий, в том числе и в исконно итальянском репертуаре — операх Верди.

— Именно за выступления на сцене «Ла Скала» Центральное музыкальное общество Италии три года назад наградило вас золотой медалью Верди-Тоска-

нии как лучшего иностранного гастролирующего сезона. Награда уникальная.

— Дело не в наградах, пусть даже самых лестных. В спектаклях этого театра работаешь с подлинно великими музыкантами. Достаточно сказать, что только в опере Верди «Симон Бокканегра» я пел с такими вокалистами, как Николай Гяуров и Мирелла Френи, а за дирижерским пультом стоял Клаудио Аббадо. Для любого любителя оперы это не просто имена, это Имена.

Кстати, в «Ла Скала» оперы поют на языке оригинала, и владеть им надо в совершенстве. Монооперу Яначека «Дневник исчезающего» я, например, пел на словацком языке.

— Юрий Михайлович, общенезвестен огромный успех советских оперных певцов за рубежом. Тем не менее постоянной темой газетных да и устных дискуссий стали разговоры о кризисе оперы, о падении интереса к ней...

— Разговоры о кризисе оперы часто связаны с тем, что современных опер, способных встать вровень с классическими, действительно, очень мало. Но дело в том, что и классические часто исполняют плохо.

Оперное искусство очень условно, то есть в какой-то степени консервативно. И надо петь и играть так, чтобы эти условности не мешали, а заворачивали зрителя, надо превращать спектакль в действие, развивающее любые условности. Опера должна потрясать. А не только потрясти, даже удивить современную

избалованную публику певцу сейчас очень сложно. Поэтому надо быть синтетическим актером: уметь петь, интонировать, следить за рукой дирижера, прекрасно двигаться, быть пластичным — словом, обладать массой достоинств. А в опере это редко. И не только у нас, на Западе тоже. Не хочется хвастаться, но убеждался на собственном примере: когда выходит такой вот относительно молодой и относительно стройный да еще и поет в общем-то неплохо, да еще и играет — это всегда изумляет.

Еще оперу губит напыщенность, а ведь, по-моему, в искусстве главное — стремление к правде, сердце человека. Я всегда стремлюсь к простоте.

Профессиональный пример для любого оперного театра — Московский камерный театр под руководством Покровского. Его солисты умеют и петь, и двигаться, и играть. У этого театра специфический репертуар, но, по-моему, и большую классическую оперу он мог бы поставить великолепно.

Стремлением к простоте, к правде отмечены и постановки Юрия Хатуевича Темирганова в Кировском театре. Последняя его премьера — «Пиковая дама». Я пою Германа.

— Совсем не в качестве дежурного комплимента позвольте сказать вам: партии Германа, исполненная вами здесь, на гастролях в Челябинской опере, одно из сильнейших оперных впечатлений в моей жизни. Да и весь зрительный зал, кажется, следил за вашим героем, застав дыхание. От ариозо имени ее не знаю, в котором просто бесконечно много красивого звука, красивого пения до трагической финальной арии «Что наша жизнь», приводящей зрительный зал в состояние почти экзистенциальное...

— Герман — это выше, чем просто пение. Это такое орошение страстей, чувств, желаний, такая вызывающая смерть. Все это я пытаюсь пропустить через себя, иначе нельзя, иначе — пустота.

Кстати, не все принимают моего Германа. Кому-то не нравится, что он так спокоен в первой картине. Но ведь в образе должна быть динамика, развитие, я не могу появиться сразу сумасшедшим Мельником из «Русалки».

Радостным открытием этих гастролей стал для меня оркестр русских народных инструментов института культуры. Вообще русский народный оркестр — явление уникальное. Хотя бы по тембру,

например. Ни в одной другой национальной культуре такого нет. Профессиональных таких коллективов в СССР всего пять. Тем приятнее было встретиться со студенческим оркестром, работающим на профессиональном уровне. Виктор Лебедев — замечательный дирижер, очень тонкий, интеллигентный, все понимающий с полуслова.

— Вместе с оркестром под управлением Виктора Лебедева вы исполняли вокальную классику. А из современных композиторов вам, кажется, ближе всего Свиридов?

— Его музыка — пример редкого, ярчайшего совпадения стиха и мелодии. Я часто пою ее за рубежом и всегда с грандиозным успехом. Свиридов очень русский композитор. Елена Образцова сказала, что его музыка — это целая Россия, с ее колоколами, церквами, маленькими вадайсскими колокольчиками.

Недавно Георгий Васильевич прислал ноты кантаты «Светлый гость» на стихи Сергея Есенина с посвящением мне. В начале следующего года у нас планируется совместный концерт в Москве.

— Юрий Михайлович, что делает просто одаренно о певца артистом, что называется, с большой буквы? Талант, а еще...

— Самоотречение. Все мои победы, если таковые есть, складываются из каждодневных самоотказов во имя главного — пения. Голос певец тренирует так же, как боксер руку. Дегерь начинаю с того, что ишу свой голос, свой звук. А будет ли этот звук красивым, зависит от множества причин: режима, прежде всего, самоограничения во всем во имя искусства, которое жестоко — это не фраза, это истина. Бывает, что небольшой в общем-то талант за счет трудолюбия, силы воли достигает вершин, а большой талант без дисциплины если не гибнет, то деградирует. За последние двадцать лет в «Ла Скала» стажировались больше сорока наших певцов, а где сейчас большинство из них?

И каждый день, каждый спектакль надо все доказывать заново. Прошлые заслуги ничего не стоят. Когда мне расхваливают какого-нибудь певца, я говорю: «Растет на ринге, тогда я посмотрю, что он за спортсмен». И обо мне, наверное, кто-то говорит так же. Так что, для того, чтобы быть народным артистом, надо петь, как народный артист.

В. СПЕШКОВ.